

Глава 8

Обман у них в крови

Том Визель держал велоспорт Америки под своим строгим контролем, финансирование значительно улучшилось, и атмосфера в команде US Postal стала спокойнее. Новые источники финансирования позволяли брать в штат больше гонщиков, больше механиков, закупать больше велосипедов и другого оборудования, которое нередко производилось специально под конкретного спортсмена. Теперь они могли сосредоточиться на том, что умели делать лучше всего, — выигрывать гонки. «Тур де Франс» 1999 года показал, на что способны Армстронг и его команда, и теперь им предстояло доказать миру, что это не было случайностью.

На 2000 год команда поставила перед собой большие цели, в том числе были запланированы сильные выступления на весенних классических гонках и, конечно, подтверждение чемпионского титула Лэнса. В команду приняли пятерых новых спортсменов, которым предстояло обеспечивать надежный тыл сверхталантливой суперзвезде. В их числе был покинувший команду в 1998 году ради более выгодного контракта Вячеслав Екимов, на которого теперь возлагалась большая ответственность.

В то время среди велогонщиков начал распространяться слух о новом тесте на ЭПО, который будет проводиться на «Тур де Франс». Разработку теста поручили Франческо Конкони, той самой лисе в курятнике. Боясь разоблачения, велосипедисты еще больше, чем в прошлом году, осторожничали с приемом ЭПО. Но американскую команду это не остановило.

Армстронг хвастался перед друзьями, что Конкони был учителем его врача Микеле Феррари и поэтому он знает один секрет, который поможет обойти тест. От Феррари команда узнала, что, если вкалывать ЭПО непосредственно в вены, а не просто вводить под кожу, как это обычно делалось, препарат выводится из организма за двенадцать часов, а не за несколько дней. Армстронг также понимал, что тест

на ЭПО был первым, а значит, далеко не точным. Даже если тест проведут через несколько часов после приема ЭПО, результаты могут оказаться неточными.

Благодаря хорошему финансированию команда могла использовать другой вид допинга, более сложный не только для применения, но и для обнаружения, — переливание крови. Врачи назначили допинговую программу всем трем «горнякам»: Лэнсу, голубоглазому двадцатидевятилетнему выпускнику университета Тайлеру Хэмилтону и двадцатисемилетнему Кевину Ливингстону, который владел почти идеальной техникой педалирования. Примерно за месяц до «Тур де Франс» Йохан Брунелль объявил, что каждый спортсмен должен сдать 500 миллилитров крови и что эта кровь будет снова им введена во время соревнований. В то время не существовало ни одного теста, который бы точно выявлял переливание, поэтому спортсменов могли вычислить, только если бы кто-нибудь своими глазами увидел процесс или обнаружил у них пакеты с кровью.

В середине июня Армстронг, Хэмилтон и Ливингстон сели на борт частного самолета в Ницце и отправились в Валенсию. Там их отвезли в гостиницу, чтобы взять кровь. Весь процесс занял около часа, после чего они втроем отправились тренироваться на побережье. Из-за потери крови они чувствовали усталость и с трудом преодолевали даже маленькие подъемы, но они знали, что, когда кровь будет перелита им в организм, они смогут покорить любую гору «Тур де Франс».

В тот год на «Тур де Франс» Армстронг вплоть до десятого горного этапа шел ноздря в ноздю с лысым тридцатилетним итальянцем Марко Пантани, любимцем зрителей, которых восхищал его агрессивный стиль езды, и двадцатисемилетним темноволосым Яном Ульрихом из Германии, фаворитом гонки, который уже становился победителем «Тур де Франс». В тот день с утра шел ливень, было холодно. Такую погоду ненавидят большинство велогонщиков, но Армстронг научился ее ценить, потому что в сложной борьбе он мог полностью раскрыть свой потенциал. На трассе было три главных подъема: Коль-де-Мари-Блан, Коль-д'Обиск и страшный 13-километровый Отакам. Армстронг, Ульрих и Пантани ехали на равных до самого Отакама. На подъеме Пантани рванул в атаку, установив небольшой отрыв между собой и следующими за ним гонщиками. Армстронг бросился вслед и через несколько мгновений обогнал его. Ульрих остался далеко позади. Добравшись до вершины Отакам, Армстронг лидировал в гонке; Ульрих шел на втором месте, отставая

от него на 4 минуты 14 секунд. С таким большим отрывом вторая победа в гонке была ему практически гарантирована.

Но рисковать никто не хотел. Вечером 11 июля по завершении одиннадцатого этапа Лэнс, Кевин и Тайлер собрались в номере гостиницы в Провансе, где на стенах вместо картин на гвозди были подвешены их трансфузионные мешки. Спортсмены лежали на кроватях, пока им вводили их собственную кровь. Следующий день был днем отдыха перед двенадцатым этапом с финишем на горе Мон-Венту, где Армстронг стал легендой.

Поклонники велоспорта давно благоговеют перед Мон-Венту. Дорога там очень крутая, с подъемами до десяти градусов и сильным ветром, который делает ее еще более труднопреодолимой. В 1967 году во время «Тур де Франс» на этой горе погиб велогонщик Томми Симпсон, который в наркотическом угаре переусердствовал на подъеме, и его сердце не выдержало. Однако среди велолюбителей упорно ходит версия о том, что не наркотики убили Симпсона, а Мон-Венту. В его честь на месте гибели установили скульптуру, которая стала романтическим символом спортивного фатализма и ни с чем не сравнимых мучений, испытываемых спортсменами на «Тур де Франс».

Многотысячная толпа болельщиков стояла вдоль дороги на холоде и ветру. Из приличной группы велогонщиков осталось только семеро, в том числе Армстронг, Пантани и Ульрих. Толпа заревела при их приближении. Когда до финиша оставалось около пяти километров, Пантани атаковал. Он отставал на 10 минут в общей классификации и хотел выиграть хотя бы этап, не рассчитывая пока на большее, поэтому никто из лидеров не собирался его догонять... кроме Армстронга. Он привстал из седла и начал преследовать Пантани, оставив Ульриха позади. Он показал недюжинную силу и вмиг его догнал. Теперь Армстронг и Пантани сражались в горах вдвоем. Они смотрели друг на друга и мчались на немыслимых скоростях вниз. Армстронг был очень доволен, что Ульрих остался далеко позади и что разрыв между ними увеличивался. У финишной черты Лэнс замедлился, и обессиленный Пантани смог кое-как проехать еще несколько метров и пересечь финиш первым. Всем было ясно, что Армстронг, безусловно, более сильный велогонщик, разрешил Пантани победить. Лэнсу не нужно было побеждать в этапе. Пантани помог ему обогнать Ульриха, и Армстронг считал, что тот достоин победы. Его подарок Пантани стал предметом споров среди фанатов велоспорта. Поступил ли Армстронг по-джентльменски, позволив Пантани победить? Или выказал

неуважение соревнованиям, показав безразличие к победе в этапе? Пантани был в бешенстве. Ему не нужны были подачки. Визель тоже был зол на Армстронга за его отказ бороться. Такая противоречивая ситуация только подогревала интерес зрителей к почти киношным страстям, творившимся на трассе. Тот день навсегда остался в памяти фанатов велоспорта. Пантани выиграл еще один этап, а потом сошел с дистанции. Лидирование Армстронга было уверенным, и никто из соперников уже не мог его оспорить. Он не снимал желтую майку до самого Парижа.

Армстронгу удалось невообразимое: он выиграл второй подряд «Тур де Франс». Вторая победа снова вызвала споры: суждено ли ему превзойти трехкратного победителя гонки Грегга Лемонда и стать величайшим велогонщиком в истории США? А может, ему удастся повторить рекорд испанца Мигеля Индурайна, француза Бернара Ино и бельгийца Эдди Меркса — величайших спортсменов мира, сливок спортивной элиты?

В сентябре Лэнс принимал участие в Олимпиаде-2000 в Сиднее. Его участие наделало много шума. Его принимали со всеми почестями, соответствующими звездному статусу. Он затребовал у Федерации велоспорта дополнительные велосипеды, дополнительных механиков и особые условия размещения.

Он надеялся на золотую медаль в гонке с раздельным стартом, но финишировал только третьим, уступив товарищу по команде US Postal Екимову, который взял золото, и Ульриху, который пришел вторым, а в шоссейной гонке взял золото.

Даже такой результат был для Армстронга впечатляющим, принимая во внимание его травму. За несколько недель до Олимпийских игр на одной из тренировок на пустынной узкой дороге в холмах под Ниццей он вслепую повернул налево и врезался в ехавшую машину. Ему повезло, что остался жив, но у него оказался сломанным позвонок в шейном отделе, который он не успел до конца вылечить до Олимпиады.

Однако проблемы не заставили себя долго ждать. Во время «Тур де Франс» журналисты с телеканала France 3, проводившие собственное расследование, преследовали врачей американской команды и сняли, как те тайно избавлялись от медицинского мусора на дороге в нескольких километрах от своей гостиницы. В пакете лежали окровавленные бинты, использованные шприцы и упаковки изпод актовегина — стимулирующего препарата, изготавливаемого

из крови телят. Это лекарство выпускалось в инъекциях и мазях и назначалось людям, перенесшим инсульт, и диабетикам. Актовегин и аналогичные препараты использовались при кожных воспалениях, высыпаниях, ожогах, язвах, заболеваниях глаз и тендинитах. Среди велогонщиков было распространено мнение, что инъекции актовегина могли ускорять транспортировку кислорода к мышцам и улучшать метаболизм глюкозы, что, в свою очередь, придавало силы и способствовало быстрому восстановлению.

Пока французское телевидение решало, стоит ли рассказывать людям о содержимом тех мусорных пакетов, кто-то отправил анонимное письмо в парижскую прокуратуру с информацией о находке. В письме излагалась просьба провести расследование, и информация о расследовании просочилась в прессу поздней осенью и также была освещена на французском телевидении.

Спортивные агентства не имели единого мнения о том, является ли актовегин запрещенным препаратом. Конкретно он не был внесен ни в один список запрещенных веществ, но аналогичные лекарства были уже под запретом. Через несколько месяцев после того, как стало известно о ведущемся расследовании, Международный олимпийский комитет официально его запретил. Однако Международный союз велосипедистов этого не сделал. Даже наоборот, президент союза Хайн Вербрюгген полностью встал на сторону Армстронга, утверждая, что на момент применения препарат не был запрещен.

Несмотря на то что Международный союз велосипедистов был на их стороне, члены команды US Postal все еще могли столкнуться с уголовным преследованием во Франции, если бы выяснилось, что они использовали тот препарат в качестве допинга. Расследование французской полиции продолжалось.

Армстронг был возмущен этой, по его мнению, травлей и категорически отрицал, что его команда когда-либо использовала актовегин в качестве допинга. Он демонстративно отказывался даже правильно произносить название препарата. «Активо что-то там», — написал он на своем сайте в декабре 2000 года. Он заявил о том, что не будет участвовать в «Тур де Франс» в следующем году, если расследование продолжится.

Марк Горски тем временем распространял тщательно продуманную историю в интервью СМИ. Он признавал, что у команды был актовегин, но утверждал, что использовался он по назначению: с его

помощью спортсмены лечили ссадины и диабет механика Жульена де Фриза. Он назвал обвинения об использовании препарата в качестве допинга «нелепыми слухами».

Джонатан Вотерс не знал, что актовегин изготавливался из крови телят. Он испугался, что мог заразиться коровьим бешенством, которое распространилось по Европе. В панике он позвонил Горски, который убедил его, что волноваться не стоит.

Лемонд был потрясен, прочитав в газетах об этой истории с актовегином. Он понятия не имел о том, что это за препарат со странным названием, но был уверен, что Горски врет. На «Тур де Франс» в 2000 году Лемонд ужинал с де Фризом, который работал также механиком в команде Z. В тот год Лемонд отмечал десятую годовщину своей первой победы, и все его приятели встретились во Франции в неформальной обстановке.

На ужине в компании старых велогонщиков, а также Грегга и Кэти Лемонд де Фриз начал рассказывать о приеме допинга в команде US Postal. Он сообщил, что на сборах в Пиренеях видел, как они используют стимулирующие препараты, и что это выходило за рамки обычного приема таблеток или уколов. Командный автобус был похож на больницу. «Это уже не велоспорт», — заключил де Фриз.

Де Фриз также сказал Кэти, что после положительного теста на кортикостероиды в 1999 году Армстронг перевел полмиллиона долларов в Международный союз велоспорта. Эти деньги, по его мнению, дал либо Том Визель, либо Nike.

По словам де Фриза, допинг был так ему противен, что он решил уйти. Однако вскоре после ухода ему лично позвонил Армстронг и предложил большие деньги. Де Фриз согласился, главным образом из-за денег, но с одним условием: он не будет работать в основной команде «Тур де Франс». Он знал, что допинговая программа велась по большей части во время этой гонки, и не хотел быть к этому причастным.

Поэтому, читая о том, как Горски использует де Фриза в качестве прикрытия, Лемонд понимал, что вся история — вранье. Одним диабетом де Фриза нельзя было объяснить происхождение нескольких пакетов, битком набитых актовегином, и оставалось неясным, зачем врачу и главной массажистке потребовалось уезжать за несколько десятков километров от места проведения гонки только для того, чтобы выбросить мусор где-то на обочине.

Лемонд убеждался, что в команде проводится хитрая допинговая программа и что Армстронг лжет. История о том, как Лэнс признался

в употреблении допинга в больнице, была ему известна. Прежде он списывал это на слухи и только теперь искренне в нее поверил.

Несмотря на угрозы не участвовать в «Тур де Франс» из-за расследования, связанного с актовегином, всерьез Армстронг не собирался этого делать. Чтобы подготовиться к «Тур де Франс», в начале сезона 2001 года он принял участие в небольших гонках в Испании и, несмотря на продолжавшееся расследование французской прокуратуры, даже принял участие в апрельской гонке на трассе Сарта во Франции.

Тем не менее в июне Армстронг не участвовал в критериуме «Дофине Либере» — недельной французской гонке, которая для многих спортсменов была отличной разминкой. Вместо этого он поехал на «Тур Швейцарии» и успешно его выиграл. Однако проблем с законом Армстронгу избежать не удалось. Лаборанты Международного союза велоспорта провели анализ мочи многих участников «Тура Швейцарии», в том числе Армстронга. Образцы были отправлены напрямую в антидопинговую лабораторию в Лозанне. В одном из них обнаружили следы синтетического ЭПО.

Проведенный тест на ЭПО разработал Конкони. Он заключался в том, что небольшое количество мочи помещали в гель, который отделял синтетический ЭПО от естественного гормона, производимого организмом. Для того чтобы заявить о положительном результате анализа, следовало определить, достаточное ли количество ЭПО присутствовало в моче. Так как тест был совсем новым, лаборанты перестраховывались и обычно принимали решение в пользу спортсменов. В этот же раз они были почти уверены в обмане.

Образцы были пронумерованы; имена велогонщиков лаборантам были неизвестны — они не имели понятия, с чьим биоматериалом работают. Они уведомили Международный союз велогонщиков о своих подозрениях и сообщили номер.

Когда Международный союз велоспорта сопоставил номера с именами, выяснилось, что подозрительный образец принадлежал Лэнсу Армстронгу. Наказывать его или нет, предстояло решить самому союзу. В то время президент союза Вербрюгген ощущал постоянные уколы критики за истории с допингом, а европейская пресса и французские власти, казалось, были заиклены на этом вопросе. Для Вербрюггена каждая новая история с допингом, каждый полицейский рейд в гостиницы к спортсменам казались атакой на спорт, как и на источник его дохода.

Союз велосипедистов уведомил Армстронга о возникших подозрениях, но отметил, что наказания не последует, потому как результаты теста нельзя было признать однозначными. За неразглашение этой истории Армстронгу пришлось заплатить. Если бы он продолжал делать инъекции под кожу, как в 1999 году, а не напрямую в вены, результаты теста были бы намного более убедительными.

Легко отделавшись, Армстронг тут же набросился на других велогонщиков с лицемерными обвинениями в том, что они уничтожают его спорт. После победы в «Туре Швейцарии» он отчитывал тех лжецов, которые «позорили» велоспорт, и даже назвал несколько имен. «Эти люди должны быть без сожалений выдворены из спорта, — говорил Армстронг в интервью журналистам. — Они не уважают спорт, бывших чемпионов и болельщиков».

Через несколько недель Армстронг вышел на старт «Тур де Франс», надеясь одержать третью победу подряд, что до него удавалось сделать всего четырем спортсменам. Главным его соперником был немец Ян Ульрих, который выиграл золото и серебро на Олимпиаде в 2000 году. Первый день в горах пришелся на десятый день гонки. Это был двухсоткилометровый этап, который заканчивался наверху знаменитой трассы Альп-д'Юэз. Армстронг резво преодолевал крутые петли серпантина и выиграл свой первый этап гонки. На следующий день он выиграл тридцатикилометровую раздельную гонку. На тринадцатом этапе, который заканчивался на вершине известного подъема Пла Дадет, Армстронг одержал свою третью победу в этапах и вышел в лидеры всей гонки. После индивидуальной гонки с раздельным стартом на восемнадцатом этапе Армстронг опережал Ульриха на шесть минут. Это была очередная уверенная победа. Весь оставшийся путь до Парижа Армстронг проделал в желтой майке лидера. Круг почета по брусчатке Елисейских Полей стал его ежегодным ритуалом.

После своей победы Армстронг был приглашен в Эгль на встречу с врачами Международного союза велосипедистов, которые с сильным швейцарским акцентом заявили, что отныне будут более пристально следить за ним. Армстронг не увидел в этой встрече никакой угрозы, хотя она там наверняка была. Сам факт того, что его оставили в покое, просто предупредив, казался ему доказательством собственной неуязвимости. Его бренд был слишком сильным, слишком дорогим, чтобы его разрушил какой-то анализ.

Что бы Армстронг ни мнил о своей неуязвимости, преодолевая отвесные альпийские склоны, подозрения о том, что он употребляет

допинг, снова появились в прессе. Они возникали на фоне повышенного внимания к велоспорту и особенно к Микеле Феррари. В 2001 году в Италии Феррари было предъявлено обвинение в использовании стимулирующих препаратов. Эти обвинения возникли во время расследования 1998 года, когда его имя было обнаружено на рецептах, предписывавших профессиональным спортсменам употребление допинговых препаратов. Болонские прокуроры завели дело, и в доме Феррари было произведено несколько обысков. Свидетельские показания велогонщиков, собранные в ходе расследования, вывели следователей на Феррари, которому и были предъявлены обвинения в 2001 году. Феррари был признан итальянским судом виновным в недобросовестной врачебной практике и мошенничестве за рекомендации спортсменам употреблять допинг. Через два года апелляционный суд оспорил приговор, и Феррари оправдали в злоупотреблении служебным положением, постановив, что истек срок исковой давности.

Когда европейская пресса связала эти два имени, Армстронг был вынужден признать, что работал в прошлом с Феррари. Признание состоялось в ходе интервью с журналистом Sunday Times Дэвидом Уолшем, который освещал «Тур де Франс» и проявил изрядную настойчивость в своих вопросах. Армстронг убеждал собеседника, что его работа с врачом была честной, и объяснял, что Феррари тренировал его для часового рекорда на треке: он хотел выяснить, какое максимальное расстояние может проехать спортсмен за 60 минут. Армстронг отрицал, что когда-либо употреблял ЭПО, и огрызнулся на журналистов, которые в нем сомневались.

Когда Лемонд прочел о связях Армстронга с Феррари, у него не оставалось ни единого сомнения в том, что Армстронг допинг употреблял. В самом начале 1990-х, когда у Лемонда были проблемы со здоровьем и его результаты стали ухудшаться, спортивные врачи порекомендовали ему встретиться с Феррари, но он отказался. Лемонд знал, что его соперники сидят на допинге, и не собирался становиться одним из них.

Лемонд отправил Уолшу письмо. «Отличная работа, Дэвид. Ты на верном пути», — писал он. Вскоре после этого Уолш позвонил Лемонду с просьбой рассказать о Феррари, но Лемонд не хотел впускаться. Он не собирался напрямую обвинять Армстронга и занял, как ему казалось, более или менее нейтральную позицию. В интервью Уолшу он сказал: «Когда я услышал, что он работал с Феррари,

я расстроился... Если Лэнс чист, то его возвращение в спорт — самое выдающееся достижение в спортивной истории. Если нет, то это величайший обман».

Лэнс в долгу не остался и заявил журналистам, что был «удивлен» и «расстроен» комментарием Лемонда. Сам же позвонил Лемонду с угрозой подпортить его репутацию. Тем же он запугивал и своих друзей. Через несколько недель после «Тур де Франс» Армстронг за ужином перед Фрэнки и Бетси Эндрю и еще несколькими друзьями поклялся отомстить Лемонду. «Я его проучу, — сказал он. — Один звонок владельцу компании Trek, и он заткнется». Он действительно начал давить на владельцев компании, чтобы те поговорили с Лемондом.

Лемонду начали звонить сторонники Армстронга. Одним из первых позвонил Визель: «Понимаешь, то, что ты говоришь про Лэнса, нехорошо. Будь осторожнее».

Звонил и Джон Бурк, президент корпорации Trek. Бурк связался с Лемондом и попытался уговорить его опровергнуть свои комментарии. Через некоторое время после этого разговора представители компании отправили письмо с извинениями в издательство газеты USA Today. Релиз написал Билл Стэплтон. Даже не сообщив Лемонду, 15 августа газета опубликовала статью. Лемонд был рассержен, ведь он не был намерен приводить свои извинения.

Стараясь оградить Эдди Меркса от скандала с Феррари, Армстронг выдумал историю, будто он со своим тренером Крисом Кармайклом познакомились с Феррари в тренировочном лагере в Сан-Диего в 1995 году и что роль Феррари в их подготовке всегда была «ограниченной». Феррари, по словам Лэнса, для улучшения результатов своих подопечных использовал только «естественные методы», в том числе тренировки на высоте и спортивные диеты. «Мне кажется, он честен и ни в чем не виноват», — добавил Лэнс. Тем, кто не понимал, зачем Лэнс работал с Феррари, если его тренером был Кармайкл, Лэнс отвечал, что, когда Кармайкл не мог долго находиться в Европе, Феррари проводил тесты с Лэнсом и отправлял Кармайклу результаты.

Через несколько дней после этих речей в защиту Феррари итальянское издание журнала GQ опубликовало показания итальянского велогонщика Филиппо Симеони, которые он дал итальянской полиции. Симеони говорил, что Феррари, прозванный итальянскими спортсменами *il Mito* — «миф», советовал ему принимать ЭПО, тесто-

стерон и гормон роста, чтобы улучшить результаты. В дневниках Симеони остались записи о тех препаратах, которые он употреблял в период между 1992 и 1999 годами, когда был проведен его допрос, и рассказал о том, какие рекомендации давал ему Феррари, чтобы обойти тесты на гематокрит, проводимые Международным союзом велосипедистов. «Доктор Феррари предлагал на выбор два варианта: использовать гемагель [препарат, разжижающий кровь] в утро перед анализами или альбумин [элемент, содержащийся в лейкоцитах] накануне возможных проверок», — заявил Симеони.

Комментируя эту статью, Лэнс сказал: «Это история трехлетней давности. Много ума, чтобы печатать старые статьи, не нужно».

Лэнс признавал тем не менее, что его сотрудничество с Феррари могло выглядеть подозрительным. «Люди не дураки, — говорил он журналистам на пресс-конференции “Тур де Франс”. — Они посмотрят на факты и скажут: “Вот Лэнс Армстронг. Вот связь. Остаются ли вопросы? Остаются”. Но люди умные. Они скажут: “Были ли когда-нибудь анализы Лэнса Армстронга положительными? Нет. Брались ли анализы у Лэнса Армстронга? Многократно”. У меня сомнительная репутация, потому что я велогонщик. Люди любят ставить велоспорт отдельно... Проблемы [допинговые] существуют не только в велоспорте, или в “Тур де Франс”, или у Лэнса Армстронга. Думаю, что этот “Тур” чистый». Армстронг не знал, что Лемонд рассказал Уолшу и о разговоре в больнице Индианы. Теперь перед журналистом стояла задача доказать это.

Пока Армстронг сражался за свою честь в прессе, в фонде Лэнса Армстронга был назначен новый президент — Стив Виснант, уважаемый человек в мире благотворительности. Имелось лишь одно непростое обстоятельство. Виснант был хорошим другом Грегга Лемонда. Виснант сам в недалеком прошлом излечился от рака и был вдохновлен историей Армстронга. Он согласился на работу всего за пару месяцев до того, как Лемонд выступил со своими спорными высказываниями насчет Лэнса.

Виснант не был поражен этим заявлением. До того как согласиться на работу, он обзвонил людей, приближенных к фонду и Армстронгу, в том числе Джону Баксбауму, и задал несколько вопросов:

— Что там с допингом в спорте? Про Армстронга ходят слухи, и я не хочу, чтобы меня спрашивали об этом в лицо, — сказал Виснант Баксбауму.

— Да, о слухах я знаю. У Лэнса есть возможность показать еще лучшие результаты. Тебе остается только поверить ему, — ответил Баксбаум.

Несмотря на свои опасения, Виснант согласился на работу. В голове он прокручивал совет Баксбаума: «Остается только поверить ему».

Незадолго до «Тур де Франс» в 2001 году Виснант позвонил Лемонду и сказал, что согласился на должность. Лемонда не обрадовалась этой новости:

— Стив, ты не можешь соглашаться на эту работу.

— Почему? — спросил Виснант. — Я знаю, что там были вопросы с допингом.

Лемонд недоговаривал. Он не хотел рассказывать Виснанту все, что знал сам. До сих пор ему казалось, что это всего лишь домыслы, и он не хотел пересказывать их.

— Просто доверься мне, Стив. Не стоит в это ввязываться.

— Слушай, Грег, я уже почти согласился. Я вижу, что многое могу сделать. Я должен.

— Стив, я понимаю, но думаю, что ты там и полгода не протянешь. С этим человеком невозможно иметь никаких дел.

Прежде чем приступить к работе, Виснант поехал с Лэнсом, Кристиной и Люком в главный офис Nike в Орегон, где компания открывала новый фитнес-центр в честь Лэнса. Вечером накануне церемонии Армстронг и Виснант сидели вдвоем за кружкой пива. Виснант решил, что самое время задать волнующий его вопрос.

Смотря Армстронгу прямо в глаза, он сказал:

— Лэнс, я задам тебе вопрос и прошу тебя ответить мне честно, глядя в глаза. Есть ли что-нибудь, о чем я должен узнать прежде, чем оно выяснится? Что-нибудь такое, что может поставить в неловкое положение тебя, меня или навредить всему фонду?

Армстронг прекрасно понял, о чем спрашивает Виснант.

— Нет. Ничего такого нет, — ответил Армстронг, глядя прямо ему в глаза. А Виснант снова прокручивал в голове совет Баксбаума. Оставалось только поверить ему.

Вернувшись в Остин, Виснант отправился пообедать с Джеффом Гарви в китайский ресторан. Между делом он спросил Гарви:

— Джефф, как ты думаешь, Лэнс употреблял допинг до рака?

Гарви задумался, а потом ответил:

— Да, думаю, не стоит исключать такой возможности.

Из ресторана Виснант вышел потерянным. Он думал, что если Армстронг принимал допинг, то именно это могло привести к раку,

и таким образом сама идея фонда становилась одним большим обманом.

Еще до того, как Лемонд сделал свои публичные заявления о связи Армстронга с Феррари на гонках «Тур де Франс», до Виснанта доходили слухи о натянутых отношениях Лэнса с Грегом. На встрече со старшими менеджерами фонда, в том числе с Гарви и Дугом Ульманом, новым директором по правам наследников, после обсуждения рака разговор зашел о Лемонде. Кто-то из сотрудников начал говорить вещи, которые дискредитировали Грегга. «Он алкоголик», — говорили одни. «Он психически больной и докапывался до Армстронга из зависти», — заявляли другие.

Наконец Виснант взял слово. «Все это неправда!» — сказал он, защищая своего друга. Все посмотрели на него как на предателя. Виснант смутился, у него стало тяжело на душе. Он понял, что совершил большую ошибку, согласившись на эту должность. Но он не ушел в надежде, что сможет что-то изменить.

После заявлений Лемонда о Феррари, которые появились в прессе в конце июля, атмосфера в фонде накалилась из-за дружбы директора с Лемондом. В один прекрасный день Виснант получил голосовое сообщение от Лэнса: «Не уверен, что вы работаетесь».

Вскоре после этого Джефф Гарви ворвался в кабинет Виснанта и в нервном возбуждении выкрикнул: «Тебе нужно выбрать. Лэнс Армстронг или Грег Лемонд!»

Гарви вышел, хлопнув дверью. Виснант опешил и расстроился, что совершил большую промашку, согласившись на эту работу. Он сразу же позвонил Биллу Стэйплтону, который показался ему на удивление спокойным и рассудительным. «Послушай, все нормально, — сказал он. — Нам важно, чтобы ты остался. Джефф вспылит и должен извиниться».

Извинения Гарви принес в своем доме в Остине, где они вместе со Стэйплтоном просили Виснанта остаться. «Прости, что так вышло, — сказал Гарви. — Фонд тут ни при чем. Мы хотим, чтобы ты остался, и Лэнс полностью на твоей стороне».

Этого было слишком мало, и к тому же было уже слишком поздно. Виснант позвонил кое-кому из своих друзей, обсудил с ними ситуацию и пришел к выводу, что пора увольняться. Он знал, что такой спешный уход навредит его карьере. Он только что продал дом и много потерял на сделке. Несмотря ни на что, через полтора месяца после переезда в Остин Виснант уволился, бросив Лэнса и его фонд.

Весной 2001 года, отчасти из-за проблем с французским законодательством, Армстронг перенес свою тренировочную базу из Ниццы в испанскую Жирону, где в течение многих лет жила сплоченная группа американских велосипедистов. Кроме французской виллы и двух домов в Остине у них с Кристиной появился целый этаж в старинном особняке на одной из исторических улиц древнейшего испанского города на севере Каталонии с населением менее 20 тысяч человек. Их квартира выходила на узкую мощеную улочку, в доме были кованые балконы, готические арки и карнизы, а также маленький садик и небольшая семейная часовенка с деревянным алтарем. Лэнс сам выбирал новое жилье в Жироне, пока Кристина находилась в Остине на экстракорпоральном оплодотворении. В апреле она позвонила мужу, чтобы сообщить, что снова беременна, на этот раз двойней.

Переехав в Жирону, Лэнс стал более тесно общаться со своими товарищами по команде, в том числе с Джорджем Хинкепи и Тайлером Хэмилтоном, которые жили там весь спортивный сезон. Американские велогонщики начали переезжать в Жирону в 1997 году, когда Визель и Джонни Вельц собирали первую команду европейского уровня, способную достойно выступать на «Тур де Франс».

В 2001 году после успеха команды US Postal доходы некоторых американских велогонщиков позволили им привезти в Испанию своих жен или подруг. «Невозможно выйти на улицу и не увидеть чью-нибудь жену или подругу, какого-нибудь велогонщика или ассистента команды, директора, машину сопровождения, — писала Хейвен Хэмилтон в письме Бетси Эндрю. — Ты увидишь: Жирона — большой вокзал».

К тому же из Жироны было удобно добираться до Валенсии, где находилась клиника врача команды Луиса Гарсия дель Мораль. Это значило, что Армстронг и другие спортсмены могли ездить к нему на лечение, не пересекая международных границ и не вызывая ни у кого подозрений.

Жирона стала своеобразной допинговой столицей. Антидопинговые законы в Испании были намного менее суровыми, чем во Франции; в городе был аптекарь, который с готовностью мог достать любые лекарства. Если врач команды прописывал велосипедисту ЭПО, все, что нужно было сделать, — это пойти в аптеку и заказать его. Если в город приезжали лаборанты проводить допинговые тесты, первый, кто их замечал, предупреждал остальных сообщением: «Вампиры здесь». Спортсмены, которые знали, что тест должным образом им сейчас не пройти, скрывались или делали инъекции маскирую-

щих агентов. Велогонщики из американских команд позволяли себе в Испании все что заблагорассудится.

Однако жены и девушки спортсменов не на шутку взволновались из-за допинга. Женщины обсуждали между собой его опасное влияние на здоровье. Они признавались друг другу, что не хотят, чтобы их мужчины принимали препараты, которые могли вызвать непредсказуемые побочные эффекты.

Кристину возмущали представители допингового контроля, которые появлялись в доме Армстронга в Остине вне спортивного сезона. Как правило, это была семейная пара, которую нанимало Антидопинговое агентство США для проведения внеплановых тестов.

Антидопинговое агентство начало организовывать такие «сюрпризы» в 2000 году. Велогонщики должны были уведомлять агентство о своем местонахождении и информировать о своем прибытии в США. Лэнс ненавидел отправлять все эти факсы и имейлы в их организацию. Он не мог отделаться от ощущения «постоянной слежки».

Раздавался звонок. Лэнс или Кристина открывали двери, слышали с порога: «Внеплановый тест на допинг», — и Лэнсу вручалась бумага, где были перечислены его права. Если он отказывался от теста, то результат автоматически считался положительным. Обычно вся процедура занимала 15–20 минут. Сначала один инспектор сопровождал Лэнса в ванную комнату, где спортсмен мочился в контейнер. Трусы должны были быть спущены до колен, майку следовало высоко поднять, чтобы представитель антидопинговой службы мог убедиться, что не используются никакие уловки. Затем моча распределялась по двум контейнерам с пометами: «Образец А» и «Образец В». Как правило, инспекторы тут же проверяли pH мочи. Высокий pH мог означать, что человек использовал бикарбонат натрия или подобное вещество, чтобы скрыть следы запрещенных препаратов. Эти визиты часто сопровождались документированием обстоятельств забора мочи. Затем образцы биоматериала направлялись в лаборатории для анализа. Образцы мочи Лэнса обычно отсылали в лос-анджелесскую лабораторию.

В тот год за день до Дня благодарения Кристина проходила плановое обследование у врача, когда акушерка сказала ей срочно позвонить Лэнсу, собрать дома вещи и немедленно лечь в больницу рожать. Лэнс уже стоял в коридоре с вещами, когда внезапно пришли инспекторы из антидопингового агентства. «У меня жена рождает. Давайте побыстрее...»

Через неделю после появления на свет близнецов Грейс и Изабель инспекторы снова появились в доме Армстронга, на этот раз в семь утра. Дети спали, а белая мальтийская болонка Армстронгов начала заливаться лаем. Кристина открыла дверь. «Семь часов утра!» — возмутилась она. Женщина протянула ей листок. Подошел Лэнс. «Что происходит?» — спросил он. После того как они взяли у Лэнса анализы и заполнили все формуляры, явно рассерженная Кристина проводила инспекторов до дверей. На пороге она преградила им путь и процедила сквозь зубы: «Я не хочу, чтобы вы еще когда-нибудь являлись сюда вот так посреди утра и тревожили мою семью».

Слухи об Армстронге множились, его статус в обществе креп, вокруг него образовалась сложная система защитников из друзей и партнеров. За ним стояли спонсирующие его компании, врачи, самые близкие люди. Nike его во всем поддерживала. В 2000 году она запустила рекламный ролик — Армстронг сдавал анализ крови и потом говорил: «На чем я сижу? Я сижу на своем веле, надрывая задницу по шесть часов в день».

В 2001 году на «Тур де Франс» Лэнс встретил своего бывшего лучшего друга и велогонщика Джона Кориота, с которым в недавнем прошлом разорвал отношения. В одном техасском журнале он увидел его интервью, в котором тот защищал Лэнса. Кориот сказал так: «Кроме причин, связанных со здоровьем, Лэнс должен был задаться вопросом, а как это скажется на его репутации. Команда отказалась бы от него. Он потерял бы спонсоров. Он бы все потерял, ничего не получив взамен». После этой публикации Лэнс попросил своего ассистента Стэплтона позвонить старому другу в Остин. «Слушай, Лэнс сейчас на “Тур де Франс”, иначе он бы сам тебе позвонил, — говорил Билл. — Он хочет, чтобы ты прилетел в Париж на последние два дня гонки». Кориот задумался. Он был обижен на то, как с ним обошелся Лэнс, выгнав из фонда. Но все же решил поехать.

По прибытии во Францию тем же вечером Кориот встретился со Стэплтоном за ужином. «Зачем я сюда приперся?» — спросил он, а тот ответил, что позже Лэнс все ему объяснит. На следующий день Кориот отправился на старт этапа и зашел в автобус команды. Он сел рядом с Лэнсом, и разговор зашел об их затянувшейся вражде. «Старик, то было трудное время», — сказал Лэнс, добавив, что его сбили с толку жалобы управляющих фондом. «Ты прислушиваешься к советам, которые тебе дают люди. Ты не знаешь, что правильно, а что нет», — оправдывался он. «Хорошо, но ты ведь всегда мог позвонить мне», — ответил на это Кориот.

Они согласились возродить дружбу, но Кориот сказал Лэнсу, что он никогда в жизни не станет больше работать на него или на его фонд. Через несколько лет Лэнс инвестировал в пару баров, которыми управлял Кориот, и еще один человек, совсем недавно бывший потенциальным врагом, стал его союзником.

Команда US Postal запустила организованную систематическую допинговую программу, и самые лучшие спортсмены могли стать личными грегари Лэнса. Они имели личный интерес в его успехе, особенно потому, что по общепринятому правилу победитель «Тур де Франс» делил свои призовые 400 тысяч долларов между членами команды. Кроме того, Лэнс удваивал сумму их гонорара из своих личных средств.

Его грегари было невыгодно высовываться, потому что некоторые из них тоже работали с Микелем Феррари. На сборах в 2000 году Йохан Брюнель внес в эту ситуацию ясность. Он сказал членам команды, что каждый может лично встречаться с Феррари, но если кто-то вздумает нанять его в команду, то будет выплачивать ему деньги из своей собственной зарплаты.

Джордж Хинкепи был из тех, кто нанял Феррари. Он заплатил за его услуги в 2001 году 15 тысяч долларов, после чего продолжал с ним сотрудничать в течение еще пяти лет. Хинкепи обратился к Феррари, потому что тот мог ему помочь разработать тренировочный план, в основу которого будут положены переливания крови, а не ЭПО. Последней каплей для Феррари стал едва не признанный положительным тест Армстронга на «Туре Швейцарии», поэтому теперь он переключился на переливания. Он считал, что они более эффективно доставляют кислород к мышцам, чем ЭПО, если использовать их с небольшими, невыявляемыми дозами ЭПО. Другой гонщик команды, Флойд Лэндис, тоже оказался вовлеченным в допинговую программу. В конце сезона 2001 года из команды ушел Хэмилтон, чтобы реализовать свои личные амбиции лидера в датской команде CSC. На его место взяли Флойда Лэндиса, который в декабре 2001 года поехал в тренировочный лагерь для новых членов команды. Лэндис только что подписал договор на 60 тысяч долларов в год и был в восторге от возможности работать в одной команде с таким героическим спортсменом. Но Лэнс, которого он увидел собственными глазами, не был похож на Лэнса из газет. Большую часть информации о своем герое Лэндис узнал из его автобиографии «Не только о велоспорте». Он залпом прочитал эту летопись возвращения Лэнса в спорт после рака, и некоторые моменты особенно запали ему в душу. Например,

то, что Армстронг называл себя таким примерным семьянином, что его оскорбляла порнография. Лэнс упомянул об этом в своей книге, описывая свой поход в банк спермы перед химиотерапией, где ему дали журнал «с девочками». Даже для Лэндиса, который вырос в семье меннонитов и ездил на велосипеде в спортинках, потому как обтягивающие шорты были слишком «вызывающими», выставление Армстронгом себя таким святошей казалось крайностью.

Познакомившись с ним лично, он понял, насколько далек был тот образ от правды. Однажды вечером на сборах Лэндис в компании нескольких новичков набились во внедорожник с Лэнсом за рулем и отправились в мужской клуб «Желтая роза» в Остине. Армстронг гнал, не обращая внимания на светофоры. Дэвид Забриски, тоже новичок, даже спросил у Лэндиса: «В этом городе нет полиции?» Они сняли отдельную комнату в стриптиз-клубе, и для каждого по очереди полураздетые женщины танцевали приватные танцы на коленях. После «Желтой розы» Армстронг повез всех в офис Билла Стэплтона. Приехали новые танцовщицы. Пока остальные мужчины веселились, Армстронг удалился в отдельную комнату. Он сидел на столе, а позади него стояли две абсолютно голые женщины. Лэндис заметил на столе нечто похожее на кокаин. Армстронг поднял голову и увидел, что Лэндис смотрит на него. Тогда он вскочил, захлопнул дверь, и больше в тот день никто его не видел.

Тот тренировочный лагерь, открывший Лэндису глаза на многое, казался ему отличной возможностью выяснить кое-что еще. Он встретился с Йоханом Брюнелем в холле гостиницы Four Seasons, где теперь останавливалась большая часть команды, и туманными намеками попытался выяснить, чего от него ждут помимо тренировок и гонок. Конечно же, Лэндис слышал истории об употреблении допинга в профессиональном велоспорте и допускал вероятность того, что его тоже попросят об этом. По словам Лэндиса, Брюнель ответил так: «Ты сейчас просто продолжаешь тренироваться и соревноваться. Придет время, и там посмотрим».

«Мне было важно знать, что он не отрицает такой возможности», — говорил позже Лэндис.

И через год его время действительно пришло.